

ЛОРА КОУЛМАН

Как одна кошка
изменила мою жизнь

БОМБОРА

Лора Коулман
Годы с пумой. Как одна
кошка изменила мою жизнь
Серия «Проект TRUESTORY.
Книги, которые вдохновляют»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68292356
Годы с пумой. Как одна кошка изменила мою жизнь:
ISBN 978-5-04-175319-1*

Аннотация

Что делать, если ты потерял себя и сбился с пути? Взять отпуск? Сменить работу? Сходить с друзьями в бар? Героиня книги и по совместительству ее автор Лора попробовала все. Но спасение нашла в далеком маленьком заповеднике в Боливии среди жары, духоты, москитов, наводнений и пожаров. А помогла ей такая же потерянная и запуганная пума... И еще множество страдающих животных и запутавшихся людей.

«Все мы похожи на лук». Чтобы найти настоящего себя, надо снимать один слой за другим. Именно этому научит книга и ее автор, слои которой помогла сиять та самая маленькая пума.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие автора	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лора Коулман Годы с пумой Как одна кошка

ИЗМЕНИЛА МОЮ ЖИЗНЬ

*Посвящается всем, кто когда-либо любил этот
заповедник.*

И Вайре

© Кикина И.Е., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Теперь забирать имена было не у кого, и все же какими близкими казались мне все эти существа, когда я видела, как кто-то из них проплывает, пролетает, проползает передо мной, или касается моей кожи, или следует за мной по пятам в ночи, или недолго идет рядом днем. Они казались куда ближе, чем раньше, когда их имена стояли между нами, словно прозрачное препятствие. Теперь же эти существа были так близко, что мой страх перед ними и их страх пере-

до мной сливались в единый страх. И тяга, которую чувствовали многие из нас, желание потереться, погладить чешую, кожу, перья или мех другого, попробовать плоти или крови друг друга, согреть друг друга – эта тяга теперь слилась со страхом, и охотника невозможно стало отличить от добычи, как и того, кто поедает, от того, кого едят.

Урсула К. Легуин, «Она забирает их имена»

Предисловие автора

У пумы много названий. Возможно, из-за того, что когда-то они были распространены по всей территории обеих Америк, от Канады до границ архипелага Огненная Земля. Флоридская пантера, кугуар, горный лев, дикая кошка, горный реву́н, красный тигр, кугуакуарана, призрачная кошка... Говорят, у пумы больше восьмидесяти задокументированных названий – больше, чем у любого другого животного. Но живя в Боливии, я знала ее просто как пуму (с длинным «у»).

Большинство имен в книге изменено. Некоторые персонажи собирательные, некоторые события сдвинуты во времени, чтобы уложиться в книгу разумного объема, хотя по большей части я пересказала их так, как помню. Название организации и место действия я не меняла. «Комунидад Инти Вара Ясси» – это боливийская негосударственная организация, дающая диким животным, пострадавшим от незаконной торговли представителями фауны, второй шанс. Приют называется «Амбуэ Ари». Обе организации продолжают существовать благодаря людям, у которых столько внутренней силы, что словами не выразить.

Часть первая

На дворе 2007 год, мне двадцать четыре. Я не особо низкая, но и не сильно высокая. Примерно метр семьдесят. Нос крючком, сиськи такие, что спина постоянно болит, а ноги волочатся по земле. Я несколько запуталась, почему, и сама не понимаю. Большую часть жизни я была одинока. Когда нервничаю, то ем и курю, а нервничаю я часто. Мои родители психологи. У меня есть сестра и два брата, все очень успешные. Я англичанка, выпускница факультета искусствоведения, даже не представляющая, что обезьяны умеют шутить и могут впадать в депрессию. Я понятия не имею, как выглядит пума.

– Gringa¹. ¡Aquí!²

Мы тряслись в дребезжащем автобусе неведомо сколько – часов, наверно, пять.

Я протираю запотевшее треснутое стекло рукавом и пытаюсь что-то рассмотреть сквозь эту полосу. Но вижу только джунгли.

– ¿En serio?³

Не могу скрыть нотку страха в голосе.

– ¡Sí! El parque⁴.

Сидящая рядом женщина снимает с моих колен своего ребенка, а какой-то мужчина уже пробирается вдоль рядов сидений мимо других стиснутых пассажиров, кур, детей, какой-то экзотической птицы и мешков с рисом и заявляет свои права на мои драгоценные несколько сантиметров кресла. И вот я стою одна-одинешенька на пустой, прямой дороге посреди боливийской части бассейна Амазонки и наблюдаю, как скрываются вдали задние фары автобуса. В воздухе висит мягкая дымка, из-за которой тонкий, крошащийся асфальт словно течет, как река. С берегов свешиваются высокие травы и деревья – зеленые, фиолетовые, оранжевые и золотые. Листья всевозможных оттенков будто сливаются в

¹ Гринга (ж.) или гринго (м.) – во многих испаноговорящих странах так называют иностранца, англоговорящего представителя из другой страны. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Сюда! (исп.)

³ Seriously?

⁴ Да! Заповедник.

нечто единое, неясно очерченное, огромное. Пахнет жарой, воздух будто спертый, и я дышу с трудом. Небо голубое, но по краям уже становится красновато-золотым. Скоро стемнеет. Пока я ехала, казалось, что снаружи будет гулкая тишина, но я ошибалась.

Джунгли гомонят, говорят на языке, которого я прежде не слышала.

Прихлопываю москита на шее, ладонь окрашивается кровью. Еще один зудит возле уха. Я машу руками, постанывая и вертясь на месте. Джунгли повсюду, и, оглянувшись, вижу обезьяну, сидящую на указательном столбе. Вскрикиваю и отскакиваю назад. Обезьяна ростом с маленького ребенка, сторбленная, с рыжей шерстью. На указателе ярко-красными буквами написано: «НЕ ПУСКАТЬ ОБЕЗЬЯН НА ДОРОГУ!» Она сидит и тарашится на меня. «Ну и? И что ты сделаешь?» Я не собираюсь ничего делать. Скоро стемнеет, а я одна посреди джунглей. Чувствую дурноту. И тут сквозь гомон слышу новый звук. С жутким треском, точно ядро, из подлеска вырывается огромная черная свинья. Она поднимает голову – в зубах зажат красный лифчик – и смотрит мне прямо в глаза. Я готова развернуться и бежать, но тут на дороге вслед за свиньей выскакивает мужчина. Он вынимает палки из волос.

– Панчита!

Свинья разворачивается и уносится прочь. Я слышу эхо топота копыт, а потом зеленое марево засасывает ее. Вот и

след простыл.

Мои воспоминания из детства – рядом с домом раскинулся лес. Даже не лес, а маленькая, чахлая рощица. Однажды, когда мне было лет восемь, я попыталась там заночевать. Папа отвел меня в рощицу и оставил, как я и попросила. Позже я узнала, что он никуда не ушел, а устроился неподалеку с пачкой печенья и термосом горячего чая. Но я съежилась в спальном мешке. Ноздри заполнял чуждый запах земли и мха, а по венам бежала горячая дрожь страха. Я продержалась десять минут и помчалась домой в слезах, со спальником под мышкой, в твердой уверенности, что на деревьях, которые трещали и качались над головой, полно чудовищ.

– ¡Bienvenidos! ⁵– Мужчина, стоящий передо мной, жизнерадостно улыбается. – Agustino. Soy el veterinario aquí. ⁶

Он окидывает меня оценивающим взглядом с ног до головы, будто ничуть не удивившись, увидев меня здесь, посреди дороги, в компании обезьяны, в облаке кислого запаха сбежавшей свиньи. Словно здесь постоянно объявляются левые иностранцы, и их всякий раз встречают представители местной фауны. А вообще у меня нет подобной привычки – обычно я не забираюсь в такую глушь.

По идее трехмесячное пешее путешествие по Боливии должно было дать мне новый взгляд на жизнь, так необходимый после увольнения с очередной работы (а сколько я

⁵ Добро пожаловать!

⁶ Агустино. Я здесь ветеринар.

их сменила до этого!). Было ощущение, что мне дали карту собственной жизни, но я сбилась с маршрута. Я постоянно увольнялась, надеясь, что новое место укажет дорогу к успеху. Последней соломинкой, сломавшей спину верблюда, оказалась должность в отделе маркетинга в крупной туристической компании. Никаких сомнений: пешее путешествие поможет разобраться в себе. Я планировала вернуться преобразенной, как Элизабет Гилберт⁷ из поколения миллениалов. Хотелось стать человеком, который, катаясь на американских горках, вскидывает руки в воздух, принимает верные решения, очертя голову ходит на свидания и знает, чего хочет от жизни. Человеком, обожающим корпоративы... Не таким, который лопает арахисовое масло в полночь, сидя на кухонном полу, а потом не может из дома выйти, поскольку что ни надень, все полнит. Таким, который может оказаться на обочине у черта на рогах и ничуть не тревожиться по этому поводу. Девушкой, готовой встречаться, а потом когда-нибудь стать женой, матерью, женщиной с успешной карьерой. В общем, как мне кажется, я хотела стать полной противоположностью себе нынешней.

Однако вот я путешествую уже два месяца и устала снимать койки в общежитиях, воняющих пивом и холодной блевотиной. Я по-прежнему стесняюсь таких же путешественников, которые пытаются со мной подружиться. Мне претят

⁷ Элизабет Гилберт – американская писательница, автор бестселлера «Есть, молиться, любить» (*Прим. пер.*).

специально организованные «достопримечательности», где продаются стейки из мяса ламы по цене билета на самолет. В одном из подобных мест я подслушала, что, если поехать на север, можно купить билет на местный корабль, который навсегда увезет тебя с Планеты Одиночества. Будешь качаться в гамаке, смотреть на розовых речных дельфинов и пить кокосовое молоко. Я подумала, что звучит заманчиво. Поэтому отправилась на север и две недели просидела на топком речном берегу. Ждала корабля, а он так и не пришел. Обгоревшая, одинокая, растолстевшая от пирожков эмпаида, вылопосканная дождями, я наконец пошла искать интернет-кафе, чтобы поменять авиабилет. Я потеряла всякую надежду. Хотелось домой. Но именно в том интернет-кафе, жуя холодную пиццу, запивая вонючим пивом и дымя сигаретами, я наткнулась на брошюрку боливийской благотворительной организации, помогающей животным. На обложке была жизнерадостная обезьянка. В тексте говорилось, что требуются волонтеры.

Потому-то я здесь и оказалась – исключительно из-за отсутствия всякой цели, да еще и внутренний голос уговаривал: «Рано сдаваться».

Я даже не в курсе, что это за организация. Знаю только, что здесь есть обезьянки, которые, по идее, должны выглядеть жизнерадостно.

Но эта вовсе не радостная. Она подползает к нам, хватается Агустино за штаны и взбирается по его одежде. Мужчи-

на берет ее на руки, и обезьяна угрюмо пялится на меня. На первый взгляд показалось, что здешний ветеринар примерно мой ровесник, но теперь я сомневаюсь. Глаза у него темно-коричневые и добрые, окруженные морщинками, волосы черные, непослушные и растрепанные. Он маленького роста, немного полноват, с круглым лицом, которое мне помимо воли начинает нравиться. Он сует руку за отворот куртки и достает кусочек сыра. Обезьяна воеет от восторга, хватается сыр и запихивает в рот. Агустино смущенно поглядывает на меня. Целует обезьяну в меховую макушку.

– Коко вообще-то нельзя сыр, но только так я могу увести его с дороги. Здесь слишком опасно. Слишком много машин.

Я смотрю вправо-влево на пустую дорогу и неуверенно киваю. Довод насчет машин кажется абсурдным. Мы на краю вселенной, и даже крошечный местный автобус, на котором приехала я, кажется далеким воспоминанием.

– Идем!

Агустино срывается с места быстрым шагом, сворачивает на узкую, петляющую тропку. Коко перебирается выше, крепко обвивая плечи ветеринара, подпрыгивает вверх и вниз, вцепившись маленькими волосатыми пальцами в воротник Агустино, и издает губами длинный, громкий, тоскливый пердящий звук.

– Точно, – бормочу я себе под нос, – мы с тобой в заднице.

Вдыхая тяжелый, влажный, подернутый туманом воздух, мы, как и свинья, исчезаем под лиственным пологом. Перехожу на рысцу, чтобы не отстать, и рюкзак бьет меня по лопаткам. То и дело тру ладонями лицо: какие-то твари жужжат в носу, во рту, в ушах. Ветки, острые и настойчивые, вцепляются в волосы, в кровь царапают кожу. Мы идем во мраке. Я слышу не только писк moskitов, но и голоса птиц, жуков, сверчков, шуршание чего-то зловеще-крупного под ногами. Звуки смыкаются вокруг, и я чувствую запах почвы, влаги, гнили.

Мы идем, наверное, минут пять, хотя кажется, что гораздо дольше, и тут Агустино наконец останавливается и оборачивается.

– Добро пожаловать в el parque!

Мы вышли к просеке, по периметру которой расставлены хижины и покосившиеся постройки. Здесь слоняется несколько человек, местных и иностранцев. Одежда заляпана, на резиновых сапогах толстая корка грязи. Агустино принимается махать руками и звать высоким бодрым голосом:

– Самита!

От группы людей отделяется девушка и подходит к нам. У

нее тоже на руках обезьяна, копия Коко, только у того внушительная рыжая борода, а у этой особи бороды нет совсем, словно ее обрезают. Как только девушка оказывается достаточно близко, Коко спрыгивает с рук Агустино. Она умудряется поймать животное на ходу, и теперь две обезьяны ревниво борются за свободное место, сердито ворча друг на друга, но девушка даже не сбивается с шага. Лишь чуть наклоняется вперед и протягивает мне руку.

– Я Саманта. Сэмми.

Запах от нее феноменальный.

Пытаюсь оценить обстановку в целом. Ситуация настораживает. Обезьяны удивительные, конечно, но... вонь просто сбивает с ног. Как если бы в футболку завернули рыбу и оставили разлагаться в сорокаградусную жару. Вижу и других животных. Чудовищная свинья храпит, распластавшись в грязи, и не замечает людей, которым приходится через нее переступать. Я знаю, что это та же самая, поскольку кружевной лифчик валяется возле нее, как приз. Существо, напоминающее енота, задрав хвост трубой, издает громкий, агрессивный писк. Оно старательно подкапывается под дверь одной из построек. А еще надо всем этим нависают джунгли, исключая любое подобие света и пространства. Я ведь не так далеко от дороги. Там небо уже начинало краснеть, а здесь его даже не видно. Воздух темный, закатный, как будто, если я проведу рукой, он сдвинется, словно дым.

– Я... эмм... – мямлю я.

Сэмми приподнимает брови. Она иностранка, как и я. Американка, кажется. Примерно моего возраста. Низкая и плотноватая. Наверное, красивая. Трудно сказать. Грязь повсюду: запеклась в густых волосах, присохла к одежде, к коже. На поясе висит ржавое, жуткого вида мачете. Она стирает со лба пот прелым, влажным рукавом и смеется. Смех как у маньяка. Он отражается от деревьев, и Сэмми кажется крупнее, чем на самом деле.

– Ты не волнуйся, – говорит она.

– Я не волнуюсь, – быстро отвечаю я. Но это вранье. На самом деле очень волнуюсь.

– У тебя есть налобный фонарик? – бросает она через плечо и идет прочь, поманив меня за собой. – У нас нет электричества и горячей воды.

Я лихорадочно пытаюсь сообразить, как люди вообще живут без этого?

Две обезьяны висят на ее шее и подозрительно меня разглядывают.

– Будешь спать в «Ла-Пасе», – сообщает Саманта и помогает мне снять с плеч рюкзак у входа в здание, которое, наверное, когда-то было белым.

В здание ведут четыре двери, с которых облезает старая зеленая краска. На каждой табличка. «САНТА-КРУС». «ЛА-ПАС». «БЕНИ». «ПОТОСИ».

– «Ла-Пас» – хорошая комната, – продолжает она, пока я пытаюсь нарыть в рюкзаке фонарь. – Там сейчас всего три

человека. Душ, – указывает на деревянный сарай, едва заметный за деревьями. – Есть туалеты со смывом, но мы ими не пользуемся: это чревато.

Говоря «со смывом», она изображает пальцами кавычки, а Коко кряхтит, будто соглашается. Саманта смотрит на него с умилением. Интересно, долго она здесь проработала? Несколько лет? В брошюре говорилось, что минимальный срок – две недели...

– Это у нас называется патио.

Она оптимистично обводит рукой поляну, которая больше похожа на грязный перекресток.

Тропинки обозначены шатающимися кирпичами. В центре несколько скамеек жалкого вида и криво торчит труба с водопроводным краном. Сэмми показывает вбок:

– Comedor⁸, там мы едим.

Прямоугольная деревянная конструкция. Вместо стен – зеленая сетка, видимо, для защиты от насекомых. Под ней только что зажгли свечи, и они бросают на землю пляшущие тени.

– За спальным блоком медпункт Агустино, – продолжает Сэмми. – Если поранишься, иди туда.

– К ветеринару?

– Агустино ювелирно владеет скальпелем, – громко смеется Сэмми.

Я морщусь. «Всего одну ночь, – говорю я себе. – Надо пе-

⁸ Столовая.

режить одну ночь. Утром уеду».

– Но если нельзя пользоваться туалетом со смывом... где я могу... э-э-э...

Я замолкаю и краснею в тон обезьяньей шерсти.

Саманта поворачивается и указывает в темноту:

– Сортир там.

Потом, опершись о стену для равновесия, она, как ни в чем ни бывало, снимает резиновый сапог, переворачивает его, и на землю выливается длинная струя коричневой жижи. Я в ужасе таращусь на нее.

Сэмми лукаво подмигивает.

– Болото.

У меня отвисает челюсть.

– Болото?

Потом она машет рукой и просто уходит. Обезьяны поворачивают головы и наблюдают за мной. Их глаза светятся в почти полной темноте. Мрак такой густой, словно меня проглотили. Мгновение я стою одна в орущей тьме, окруженная стрекотом, пульсацией, перестуками, я не могу сообразить, что делать. Живот сводит, и у меня не остается выбора: сломя голову устремляюсь по тропинке – не тропинке, которую показала Саманта. Это лишь чуть менее темный прогал среди других между деревьями. Луч фонарика попадает на ветви, и они сияют белизной, точно ребра, точно трупы, сложенные друг на друга.

Через пару минут меня со всех сторон окружает густая

листва. «Тропинка» оказалась тупиком, а сортир – сараем в ее конце. Я тяну на себя скрипучую дверь. Сердце громко бьется. Стягиваю джинсы и нависаю над потрескавшимся сиденьем над ямой, которая больше похожа не на нужник, а на дыру в бесконечность. Смердит невозможно, до рвотного позыва. То, что я извергла из себя, с громким плюхом падает в супообразную жижу далеко внизу. Колени упираются в дверь, и я читаю нацарапанное на ней послание: «*El lugar perfecto para meditar, pensar, soñar, amar, compartir, escuchar, hablar y estar*» – «Это идеальное место, где можно медитировать, размышлять, мечтать, любить, делиться, слушать, говорить и просто быть». Фыркаю. У кого-то отличное чувство юмора. Мне кажется, мое отношение к насекомым вполне нормальное. Я их не люблю. Как-то раз я заперла комнату на ключ и неделю спала на диване, потому что на подушку заполз домовый паук. И вот сейчас я вижу на краю сиденья клочок серой паутины. На стенах выгравировали узоры термиты. Я не хочу оборачиваться, но не могу заставить себя не смотреть. Я заглядываю в дыру. Там что-то движется. Кишит. Дерьмо и личинки. Я визжу. Паук размером с чайную чашку лениво ползет вверх по сиденью. Он черный, с желтыми жвалами.

Пулей вылетаю за дверь, даже не застегнув джинсы. Когда добираюсь до патио, к счастью, там никого нет, и никто не видит, как я тяжело дышу, согнувшись и потирая бок, в котором колет от быстрого бега. Вспоминается школа: на физ-

культуре мы безнадежно наматывали круги вокруг квартала. Светоотражающие жилеты ярко сияли в зимних сумерках. Это была школа с большими замашками, только для девочек, и пробежки являлись возможностью оценить, кто из нас выше в дарвиновской иерархии выживания наиболее приспособленных. Мы тренировались, чтобы в будущем конкурировать с адвокатами, врачами, горожанами и людьми с мягкими ладонями и еще более мягкими дипломатами, каждый день едущими на работу из пригорода. Уже тогда я понимала: подобная конкуренция, пожалуй, не для меня. И все равно старалась, бежала круг за кругом, с лицом цвета помидора и колотьем в боку. Другие девочки хихикали, а холодная британская сырость пронизывала меня до костей.

Восстанавливая дыхание, я смотрю на яркий огонек свечи в столовой. Там смеются, ужинают. От запаха жареного чеснока рот наполняется слюной, но я вымотанная, потная, а волосы... Даже думать не хочу, как сейчас выглядят мои волосы.

Нахожу дверь в «Ла-Пас». На полу огарки свечей. Я зажигаю один, и на увешанных паутиной кирпичных стенах начинают трепетать призрачные тени. Я не знаю, который час. Наверное, еще и восьми нет. В спальне три двухъярусные кровати, то есть всего шесть коек, и только одно крошечное окошко в дальней стене. Повсюду валяются вещи: рюкзаки, ботинки, старые сапоги. Между кроватями натянуты веревки для сушки белья. На них висит влажная одежда, создаю-

щая впечатление сырой, заросшей плесенью пещеры. Осматриваю пустую верхнюю койку, и выясняется, что чехол матраса пластиковый, а внутри солома, жесткая и немилосердная. «Ну что ж, – думаю я с истеричным смешком, – спать будет не жарко». Простыни на матрасе нет, но зато висит москитная сетка, на которой, даже если не особенно приглядываться, видны прорехи и пятна крови. Что это все значит, даже представить страшно. Залезаю в койку, не раздеваясь. Хотя еще слишком рано ложиться, и жарко до тошноты, и я даже не почистила зубы, просто натягиваю край спальника на голову, закрываю глаза и молюсь, чтобы никто, ни одно живое существо меня не заметило.

Просыпаюсь от рыка. В спальне лев. Я резко сажусь, стукаюсь головой о балку. Свет просачивается сквозь зеленую сетку на окне. Где я? Что за...

У меня в ногах сидит обезьяна. Вовсе не лев.

На миг от облегчения кружится голова, и тут я осознаю: у меня в ногах сидит обезьяна!

На моем спальном мешке! Это вторая, без бороды, и она по-прежнему выглядит совершенно не радостной! Я поско-

рее отодвигаюсь, прямо-таки вминаюсь в стену. Я ни к чему не хочу прикасаться. Ни к обезьяне, ни к москитной сетке, ни к кирпичу, увитому паутиной, ни к твердому, как камень, бугристому матрасу, блестящему от моего пота и наверняка кишашему клопами и блохами. Обезьяна замолкает. В глазах ее отражается какое-то чувство: жалость, злость, страдание... не могу понять. Она набирает побольше воздуха, выпячивает грудь и издает еще один мощный вопль. Я зажимаю уши ладонями.

– Не волнуйся. Это его утренний ритуал. Он любит знакомиться с новенькими девушками.

Появляется голова. Кустистые кудри, пшеничная борода, шея, как у регбиста. Лицо поразительно бледное, усыпанное веснушками. Серо-голубые глаза. Британец с Манчестерским акцентом. Он протягивает руку и гладит обезьяну. Кожа вокруг глаз собирается от улыбки.

– Hola Faustino⁹, – шепчет незнакомец.

– Его здесь быть не должно!

Мы подпрыгиваем от неожиданности. Я выглядываю сквозь свою москитную сетку. Посреди комнаты стоит девушка, уперев руки в бока. С ее макушки ниспадает каскад темных кудрей, лицо покраснело от злости.

– Томас! – Она грозно глядит на парня. – Убери отсюда обезьяну. Чтоб тебя, Том.

И осуждающе указывает на нас пальцем, будто обезьяна

⁹ Привет, Фаустино.

здесь оказалась и по моей вине тоже. Непрошеное животное только показывает ей язык. Девушка громко вскрикивает от отвращения, а потом подбегает к рюкзаку у стены и принимается в нем ожесточенно копать. У нее сильный акцент, кажется, восточноевропейский.

– Если он опять рылся в моих вещах...

– Он не рылся, Катарина. Он не вор, ведь правда, Фоз?

Обезьяна жалостно смотрит на Тома. Потом забирается к нему на ручки, оба бросают на девушку оскорбленные взгляды и удаляются. Дверь дребезжит, закрываясь за ними.

– Да где он?

Теперь одежда летит во все стороны.

– А что ты потеряла?

Я выглядываю из-под сетки.

Катарина, все еще хмурясь, зыркает на меня.

– А, ты живая. А то мы сомневались.

Я краснею, она возвращается к куче одежды:

– Мой лифчик. Этот засранец опять стянул мой лифчик.

– Вчера я видела свинью. С лифчиком. Красным таким.

Я смеюсь, вдруг осознав, как глупо это звучит. Но хочу, чтобы она простила меня за вторжение обезьяны. Большие карие глаза девушки округляются.

– Панчита?

И не успеваю я ничего сказать, как она выбегает за дверь. Ее обвинительные крики разносятся по патио. Снова ложусь, разглядываю потолочные балки. Надеюсь, я не совершила

большую ошибку. Совсем не хочется сердить эту свинью.

Выхожу в патио. Сейчас только полседьмого утра, а жизнь вокруг уже кипит. От всей души жалею, что всю юность считала ворон и курила позади спортзала, вместо того чтобы научиться чему-нибудь полезному, например, столярничать или взбираться на деревья, из инструментов имея при себе только смекалку. Здешние обитатели так органично вписываются в среду, словно всю жизнь провели в джунглях. Я потрясенно пялюсь на них. Люди разных возрастов и национальностей, но боливийцев больше, чем иностранцев. И дети есть: замечаю не меньше пяти. Один пухлощекий парнишка, не старше одиннадцати лет, несет на руках енотоподобное создание (я слышала, его зовут Теанхи. В смысле, енота, а не мальчика). Они о чем-то переговариваются на языке писка.

Не могу не заметить, что при свете дня лагерь выглядит даже хуже, чем вечером.

Повсюду деловито расхаживают странные животные.

Белки, то ли крысы, то ли морские свинки, пятна у которых образуют линии, похожие на лампы, опять эта свинья, хотя теперь начинаю сомневаться, что это свинья... Она

больше похожа на гигантскую тропическую тварь, помесь свиньи и дикого кабана. Кое-как расчищенные тропки ведут в лес, и я чувствую некое давление на тыльную часть шеи, когда надо мной склоняются деревья. Старые инструменты, доски, ржавые изгороди клубком валяются среди грязи, обломков кирпичей, гниющих листьев, крошащегося цемента и луж. Кажется, кто-то пытался придать этому заповеднику жизнерадостный вид: когда-то спальный блок был украшен яркими изображениями обитателей джунглей, но теперь на месте туканов и попугаев осталась лишь потрескавшаяся краска и паутина. Приглядевшись повнимательнее, замечаю в бетоне тысячи крошечных розовых яиц. Меня невольно передергивает, и я стараюсь не представлять, какие малюсенькие сердца развиваются внутри. Надо всем довлеет сшибающий с ног запах влажной земли и гниющих фруктов.

– Лаура?

Я поворачиваюсь. Ко мне приближается женщина. Она боливийка, низенькая, с круглым лицом в обрамлении густых черных волос, заплетенных в косы, которые доходят почти до талии. Женщина сутулится, вокруг ее темных глаз видны морщины безмерной усталости. На ней джинсы, резиновые сапоги, рубашка из плотной ткани и старая, потрепанная ковбойская шляпа. С собой рюкзак, к нему привешены мачете, веревки, карабины, ведра. Идет так, будто атакует: размахивает руками, словно отталкивает воздух со своего пути. Мне даже хочется попятиться, чтобы уступить ей до-

рогу. Так я и делаю, упираясь спиной в дверь комнаты «Ла-Пас». Но тут женщина подходит ближе и... улыбается. От этого морщины на ее лице разглаживаются, кожа начинает сиять, мне вдруг хочется сделать шаг вперед, а не назад.

– Vamos¹⁰, – отрывисто зовет она.

Женщина тут же начинает шагать прочь, и я увязываюсь следом, прохожу сквозь завешенный сеткой вход в comedor. Моя рука автоматически берет предложенную кружку кофе, тело послушно устраивается на шаткой скамейке. Приходится ухватиться за стол, чтобы не упасть. Женщина садится напротив и кладет ладони на потрескавшуюся деревянную столешницу между нами. Руки ее исчерчены шрамами.

Столовая у них... причудливая. Здесь три длинных стола, за которыми могут разместиться человек, наверное, тридцать (если сидеть вплотную), но сейчас никого нет, кроме нас. Стены из кирпича, но примерно на уровне талии они попросту обрываются, уступая место зеленой сетке. Вместо пола – утоптанная земля, крыша из листового металла. У меня чувство, будто мы не в помещении. Две рыжие обезьяны сидят на низко свисающей лиане прямо за сеткой и сверлят меня взглядом. Коко и Фаустино.

Я смотрю на кофе, обнимаю пальцами горячую старую пластиковую кружку. Я не пью кофе. От него все атомы тела начинают дребезжать. Но я вцепляюсь в эту кружку, будто от этого зависит моя жизнь, – потому что знаю: так и есть.

¹⁰ Идем.

Я знаю этот запах. Запах чего-то нормального среди всего этого безумия.

– ¿Hablas español?¹¹

Голос у женщины низкий, словно она подстраивает его для другого собеседника, которого я не вижу. Наверное, ей за тридцать. Может, даже ближе к сорока.

Я кривлюсь, делаю рукой жест «так себе».

– Más o menos¹².

Она кивает.

– Entonces mi nombre es Mila¹³. – Затем начинает говорить по-английски с сильным акцентом: – Я и наш ветеринар Агустино начальники заповедника. Кажется, ты с ним уже познакомилась?

Быстро киваю.

– Мы заботимся о диких животных, которых пытались нелегально продать. Monos, aves, chanchos, tapires, gatos¹⁴...

– Gatos? – перебиваю я.

Кошки? Интересно, собаками тоже нелегально торгуют? Это меня немного ободряет. Я люблю собак. Но забыла, как по-испански «собака», а оглядываясь вокруг, вижу только обезьян. У некоторых сотрудников на плечах яркие птицы. Я вздрагиваю, заметив мальчику, шею которого обвил кто-

¹¹ Ты говоришь по-испански?

¹² Более-менее.

¹³ Итак, меня зовут Мила.

¹⁴ Обезьяны, птицы, свиньи, тапиры, кошки.

то вроде детеныша анаконды.

– Sí. У нас шестнадцать кошек. Ягуары, оцелоты. И пумы. Тупо пялюсь на Милу. Понятно. Значит, не домашние.

– У меня есть пума, с которой можешь поработать ты.

– *Пума?!*

Она кивает.

– Но, если согласна, ты должна остаться здесь на месяц. Чтобы работать с пумой, нужен минимум месяц, – она колеблется, пристально разглядывая меня. Я нервно тереблю воротник и смотрю на ее покрытые шрамами руки. – Если нет, можешь пробыть меньше. Две недели. Работать с птицами, обезьянами.

Однако после слова «пума» я почти ничего не воспринимаю.

Если честно, я смутно представляю себе, какие они. Думаю, большие, дикие и сильные. Несмотря на жару, предплечья у меня покрываются гусиной кожей. Пятнышки на радужке строгих глаз Милы напоминают переливы «тигрового глаза». Мне кажется, таким, как я, не стоит доверять работу с большими, дикими и сильными животными. У меня дрожат колени. Может, просто собрать вещи? Может, подождать на обочине автобус или вызвать такси? А отсюда получится вызвать такси?

Взгляд Милы проходит по мне будто граблями.

– Эту пуму зовут Вайра.

Я сильно сжимаю ободок кружки. У меня не получается

выдавить из себя ни звука, и кажется, сейчас Мила встанет. Она поняла: «Видимо, эта девушка нам не подходит».

В отчаянии я оглядываюсь по сторонам. Взгляд падает на обезьян. Разве я могу подойти для такого? Безбородая обезьяна, та, что сидела на моей койке, сжимает в кулаке Тот Самый Лифчик. Ее волосатые пальчики крепко держат лямки. Я открываю и закрываю рот. Вот ведь вор! Он с хитрым видом подносит трофей к носу и с долгим, глубоким вдохом вытягивает запах, а потом сует добычу Коко, который искося посматривал на товарища. Фаустино кряхтит, заставляя Коко взять Тот Самый Лифчик. «Подельник» взбирается по крыше и запихивает интимный предмет в дыру в стене, а потом с виноватым лицом снова соскальзывает вниз.

Пуму. Мне.

Будто со стороны, в некоем оцепенении, я замечаю, что киваю. Это все из-за усталости, жары и чертовых обезьян... Но, когда Мила поворачивается ко мне и видит, что я киваю, ее улыбка сияет ярче солнца.

Одно из моих самых счастливых воспоминаний – как мы с сестрой уютно устраивались на родительской кровати и

водили пальцами по золотым узорам на обложке маминого старого, тяжелого тома «Властелина колец». Тьма была так близко, за задернутыми шторами, а мы в безопасности. Один вечер нам читала мама, а на другой папа продолжал повествование о том, как хоббиты медленно путешествовали по чарующему и ужасающему Средиземью. Позже, когда я подросла, то стала сама впитывать фэнтези и научную фантастику... Мне всегда было мало темных лесов, глубоких океанов и горных вершин, вокруг которых завывает ветер. Но главное удовольствие заключалось в знании: я дома и в безопасности.

И вот я сижу, киваю и улыбаюсь как дура расположившейся напротив Миле. Отчаянно хочется ей угодить. Я думаю, что меня ждет через месяц, когда вернусь домой. Все эти уничтожающие должности, с которых я увольнялась. Мне начали приходить первые приглашения на свадьбу от девочек, с которыми я была вынуждена соревноваться в школе. А я даже ни с кем не встречаюсь, если не считать «друзей», с кем иногда спала после дождичка в четверг, по пьяни и в полной тайне. И кто хочет сохранить эти ночи в тайне: я или они? Даже этого не знаю. Интересно, это в школе я освоила излюбленную тактику выживания?

Если тебя щиплют за задницу, тычут пальцем в сиськи, смеются над твоим жиром, ты улыбайся. Иногда кажется, я улыбалась так долго, что продолжаю делать это даже во сне. Ах, молодой человек, которого я считала своим парнем, –

так, значит, ты уже месяц встречаешься с другой девушкой? Не проблема. Улыбаюсь. Родители, вы разводитеcь? Вот это нежданчик. Но ничего страшного, если больно. Улыбаюсь. Начальник debil. Улыбаюсь. А теперь, похоже, я умудрилась, улыбаясь и кивая, согласиться на то, чтобы меня покалечила пума.

Завтрак прошел как в тумане. Еще кружка кофе и булочки. Постепенно люди просачиваются в comedog. Они на вид измученные работой, но донельзя жизнерадостные. Только в мешке, в котором приносят хлеб, находят крысиный помет и огромных черных тараканов. Я все равно пытаюсь есть, как и остальные, но мне трудно сохранять невозмутимость: когда я откусываю немного черствого хлеба, у меня на зубах хрустит горсть красных муравьев. Ничуть не удивленная Сэмми походя комментирует, что это «всего лишь белок». Видимо, так оканчивается любая попытка хранить хлеб в джунглях... Кто нашел, того и еда.

И вот я снова на дороге. Кажется, она тянется и тянется в бесконечность, где есть только джунгли.

Готовая обложка дешевого фантастического романа – да-

же не читая, понимаешь: все герои обречены.

Небо не красное и не золотое. Оно ярко-ярко голубое. Девушка, стоящая передо мной, качается на пятках. Джейн. Это она привела меня сюда. На ней рабочий комбинезон, который ей слишком велик, сапоги и заливчатая соломенная шляпа. Рядом с ней Оскар, и улыбка на его лице такая же заливчатая. Высокий, как жираф, исключительно красивый, у него борода и резкий американский акцент. Джейн миниатюрная австралийка с черными кудряшками и носом-кнопочкой. У меня проскальзывает мысль, что этой парочке самое место в глянцевом журнале: Джейн будет балансировать у Оскара на плечах – прелестный цирковой дуэт, у которого во время представления случился несчастный случай, и оба артиста сошли с ума.

События развиваются стремительно.

Мила так красиво улыбалась. Она взяла меня за руку, помогла подобрать старую рабочую одежду и сапоги, отвела к Агустино, и я с ним расплатилась. Отдала меньше двухсот долларов, и он обещал, что эта сумма покроет все: и питание, и проживание в течение тридцати дней. А Пума по-прежнему была воображаемой, мифической.

Но сейчас...

– Так вы выгуливаете ягуаров и пум? Выводите их из клетки? На веревках?

Я пытаюсь прикинуться, что для меня такое в порядке вещей. Будто со мной подобное происходит каждый день.

Оскар бодро кивает.

– Этим мы сейчас и займемся?

Я перевожу взгляд с Оскара на Джейн и обратно, и знаю, что голос срывается на фальцет.

Глаза у австралийки – вспышки зелени под немилосердно палящим солнцем, лучи которого отражаются от асфальта и хлещут по щекам.

– Ага.

Глубоко затягиваюсь сигаретным дымом. Это даже не моя сигарета. А температура, наверное, выше тридцати пяти градусов. Лес угрожающе нависает с двух сторон, клейкий и тяжелый. Тело покрыто двухсантиметровым слоем пота, наподобие водной прослойки в гидрокостюме. Я качаю головой, поглядывая на полные надежды лица Джейн и Оскара, на лес такого яркого зеленого цвета, какой я воображала только в мечтах.

Вспоминаю, сколько раз родители твердили: «Нельзя сдаваться». Я представляю, что они сказали бы, если бы увидели меня сейчас, и издаю смешок. *«Сдавайся! Бросай все немедленно!»*

Пытаюсь изобразить отважную улыбку.

– Ну что ж, пойдём знакомиться с Вайрой.

Джейн быстрым шагом идет по дороге, будто боится, что, если промедлит, я передумаю. Правильно боится. Я перехожу на рысь, чтобы поспеть. Оскар беззаботно болтается позади, указывает мне на обезьян и говорит, что это дикие капуцины. Они перескакивают с лианы на лиану вдоль дороги и верещат. То и дело одна из них промахивается мимо ветки и падает в кусты под презрительные крики соплеменников. Я всем сердцем сочувствую. Первые пару раз даже охаю и напрягаю зрение, пытаюсь понять, жива ли рухнувшая обезьяна. Однако капуцины быстро вскакивают и возвращаются к товарищам, точно кости у них из резины. Оскар сказал, что провел здесь пять недель. Сколько проработала Джейн, понятия не имею. Думаю, дольше. Ее обезьяны не волнуют. Я стараюсь держаться поближе к ней.

– Вайра дикое животное, – говорит она через плечо. – Мы выпускаем ее из клетки, чтобы она могла ощутить хоть какую-то свободу, размять ноги, на время почувствовать, как живут пумы в родной среде, – и как по праву должна была бы жить она.

Быстро киваю. Вот что я усвоила: мы работаем со спасенными животными. Теми, кого нелегально отловили в джун-

глях, продали как домашних питомцев на черном рынке или сбыли в цирки и зоопарки. Их нельзя выпускать на волю. Я бы, наверное, сильнее пожалела бедных животных, если бы у меня в голове не метался единственный вопрос:

– А это не опасно? – шепчу я.

Джейн сначала не отвечает, но не сбавляет шага. Зеленые глаза приобретают бронзовый оттенок.

– Может, и опасно, – произносит она наконец. – Но каждый из нас сам для себя решает, стоят ли эти животные такого риска.

Она смотрит на меня напряженно, ссутулившись так, что плечи находятся на уровне ушей. Потом указывает влево, где два высоких ствола с ветвями, узловатыми, как лица ведьм, чуть выдаются вперед из общей массы. Они наклонены к солнцу, и от этого переливаются, точно шелковые.

– Просто запомни эти два дерева, – говорит Джейн так, будто они решают, кого пропустить, а кого – нет. – Нам туда. – Потом замолкает, плечи расслабляются. – Идем. – Девушка улыбается. – Она уже ждет.

Я, спотыкаясь, пробираюсь мимо двух ведьм во тьму. Сто-

пы ударяются о неровную почву, ноздри забивает запах росы. Я пытаюсь разорвать свисающую сверху траву, но корни ее где-то высоко над головой, а края листьев острые, как бритва. Я вижу не дальше нескольких шагов впереди себя. В джунглях бывает два времени года: сезон дождей и сухой сезон. Я приехала в апреле, в конце сезона дождей. Тут редко бывает красивее, чем теперь, после пяти месяцев ливней. Скоро наступит засуха, земля запечется коркой, грязь потрескается, листья раскрошатся. Но сейчас... Красота умопомрачительная. Неведомым образом зеленый складывается из всех цветов до единого.

Я кручу головой, делая несколько слишком частых вдохов. Неба над головой нет, только возвышаются деревья, облепленные листьями, широкими, как плащ волшебника. Некоторые деревья настолько огромны, что похожи на великанов с телами в броне из шипов, с раздутыми головами и облупившейся кожей, из-под которой сочатся бронзовые ручьи. А птицы... Где-то слева от меня дятел и, наверное, ара. Высоко над головой – обезьяны-ревуны, такие же, как Коко и Фаустино. Их крики эхом отражаются от деревьев. Здесь такие ширмы из бамбука, что им, как мне кажется, самое место в средневековых пыточных камерах. Повсюду мхи, лишайники, каскады кислотно-зеленых папоротников, лианы как веревки, грибы всех цветов радуги – пришельцы, цветущие голубым, фиолетовым, подсолнечно-желтым цветом. Одни деревья душат другие. Муравьи устраивают рвы.

Они переносят листья во много раз больше их самих, а также трупики, останки, зерна, цветы. Муравьи меньше веснушки, крупнее моего большого пальца, клубнично-красные, блестящие черные. Муравьи с жвалами, после укуса которых придется швы накладывать. Жуки с крылышками, похожими на отполированные кристаллы, жабы размером с теннисный мяч, термитники с пляжный мяч. Лепестки – желтые, медные, кобальтовые, ультрамариновые брызги. Вот дерево с такими огромными опорами, что я могу пройти под ними, выпрямившись во весь рост, и никто меня больше не найдет. Оно унизано грибами цвета яда, цвета первобытных миров.

Бросаю долгий взгляд назад: как говорит мозг, где-то там по-прежнему есть дорога. А потом снова пускаюсь в путь.

Это сказка. Мы идем сначала по ровной земле, потом виляющая тропинка начинает карабкаться на небольшой холм, дальше я ничего не вижу. На земле – ковер из мха, белые цветы сияют в редких клочках солнечного света. Я не знаю, в каком направлении мы движемся, знаю только, что отходим все дальше и дальше от безопасного участка. Идем минут десять или двадцать, – точно сказать не могу. В нос ударяют запахи, они меня душат, а потом исчезают, сменяются другими, более сладкими, густыми, тяжелыми. Больно дышать. Больно думать. Зелень становится темнее, пахнет более нездорово, гнилостно, тропинка становится более заросшей, а о небе остаются только воспоминания.

– Каждый день мне кажется, что это сон, – бормочет

Джейн.

Я налетаю на очередную свисающую бамбуковую плеть, шипастую скрученную лозу. «Это сон», – думаю я, стараясь выпутаться. Никогда в жизни я не была в месте, у которого есть собственный пульс. Миллионы пульсов. Я представляю людей в метро, локтями борющихся за свободное пространство в лондонской подземке, где пахнет потом и людьми. Там миллионы бьющихся сердец, но одинаковых. Все они похожи на мое. А здесь ни одно сердце не бьется так же, как мое.

Джейн останавливается.

– Почти пришли.

Мы стоим в тени фикуса-душителя. Ствол дерева опутан ветвями растения-паразита. Лозы свиваются так замысловато, словно кто-то специально их заплел, и плел, пока лоза не стала походить на хитроумную прическу, узор которой теряется в бесконечном пологе листьев.

Внезапно страх перед всем, что меня окружает, сменяется более глубоким страхом. Уже другим, более резким, более сконцентрированным. И кое-чем еще. Любопытством. Предвкушением. Покалыванием, пробегающим вверх по хребту.

К коре кто-то прибил табличку. Старая и полусгнившая, но прочитать слова всё же можно: «HOLA WAYRA PRINCESA¹⁵».

Звучит голос Джейн, высокий и звонкий:

– ¡Hola, Wayra!

¹⁵ Привет, Принцесса Вайра.

Я таращусь на нее. Она словно выросла сантиметров на двенадцать.

– Hola, моя сладкая! – ревет Оскар.

– Ты тоже поздоровайся, – велит Джейн. – Чтобы не напугать ее.

Я сглатываю и киваю.

– ¡Hola, Wayta!

Не знаю, что я ожидала увидеть за поворотом тропинки. Но глаза Джейн, которые никак не могут решить, зеленые они или карие, наполнены неким восторгом.

– Моя любимая! Princesa. ¿Cómo estás?¹⁶

Это почти стихотворение.

Мы спускаемся с крутого склона. Почва здесь песчаная, и ноги проскальзывают, с трудом находя опору. Потом поднимаемся на еще один небольшой холм, мимо очередного задушенного лианами дерева. Кора красная, как кленовые листья. Оскар помогает мне перебраться через гнилое бревно. Я чувствую какой-то фруктовый запах, и тут совершенно внезапно (несмотря на то, что я этого ожидала) мы оказываемся на гребне холма и видим большую просеку. Она размером, наверное, с два теннисных корта. По краям опутана космами единственного дерева, ствол которого, наверное, высотой с меня, а листья похожи на покрытые лаком весла. Сверху изумрудно-зеленые, а там, где их касается солнце, – лаймовые. Над головой – синева неба, которая повергает ме-

¹⁶ Как поживаешь?

ня в шок. Мне почти не верится, что небо все еще есть где-то в вышине. Но рассматриваю я его недолго, потому что всего в десяти шагах – клетка.

Она устроилась у подножия холма. Размером метров десять на двенадцать. Боковые грани чуть короче передней. Клетка занимает примерно треть поляны. Она накрыта треугольным тентом, центральной опорой для которого служит узловатое дерево, высокое, как столб, украшенный к деревенскому празднику. Пол в клетке земляной, цвета подгоревшего сливочного масла. Внутри несколько соединенных переходами деревянных платформ: одни расположены выше, другие ниже. Несколько колод, пушистых кустов и пальмовых листьев. В дальней части – дом на сваях, укрытый от солнца синим брезентом. Спереди слева высокий выступающий короб с дверью. Под ногами попадают пятнышки света, но этот кусочек поляны все еще укрыт тенью.

Поначалу обитательницу клетки трудно различить: так она похожа по цвету на тени. Но потом длинный хвост дергается.

– Hola, Wayra, – шепчу я.

Выделяются только глаза, зеленые, как верхняя сторона листьев в форме весла, и нос, розовый, как зарождающийся закат. Она долго, молча нас разглядывает. Так долго, что мне начинает казаться, будто животное никогда не сдвинется с места.

Когда пума все же спрыгивает с платформы, приземляясь

так грациозно, будто и не двигалась, я уважительно отступаю назад.

Вайра бесшумно подходит к нам, а я ошеломленно пялюсь на нее. Когда Джейн скользящим движением аккуратно просовывает сквозь решетку обе руки, я чуть не взвизгиваю и делаю еще один быстрый шаг назад. Она что, совсем ума лишилась? В радиусе шестидесяти километров не сыщешь ни одного врача! Мне придется тащить ее на своем горбу через джунгли и наблюдать, как ее кожу будет латать ветеринар. Все это проносится в моем мозгу в те несколько секунд, за которые Вайра доходит до решетки. И тут пума начинает лизать Джейн руки. Я не шучу: лизать руки. Лицо девушки озаряется неземным блаженством. Она закатала рукава, а пума тычется ей в ладони.

Теперь я знаю, как выглядят пумы. Я их всегда называла «горными львами». Другие термины возникают из тайных уголков мозга. Кугуар, горная кошка... Не знаю. Я не представляла, что все это – обозначения одного и того же животного. Хочу сказать это вслух, но решаю промолчать. Я слышу, как она лижет. Звук такой, будто кто-то работает грубой наждачкой.

– Как ты спала? – мурлычет Джейн и протягивает руку, чтобы почесать Вайре шею.

Пума поднимает голову, запрокидывает морду (острые кости черепа и мягкие цвета шерсти) к небу, зажмуривается. Она кажется... спокойной. Эта пума худая, поджарая.

Может, она меня все-таки не покалечит. Грани позвоночника четко читаются. Мощные мускулы видны на спине, плечах, бедрах. Шерсть цвета свинцового неба. А потом я моргаю, и она становится рыжевато-охристой. Вайра меньше, чем я представляла. Ростом, наверное, с крупную собаку, чуть больше маминой немецкой овчарки.

Невольно делаю шаг вперед. Но в то же мгновение Вайра резко оборачивается. Глаза расширяются, зрачки округляются, и глаза кажутся полностью черными. Уши прижимаются к черепу, и она пригвозждает меня взглядом, будто говоря: «А ТЫ, Б**, КТО ТАКАЯ?» Потом раскрывает пасть и шипит. Я чувствую прилив страха и желчи – такой мощный, точно меня пнули в лицо. Это физическое ощущение. Настолько сильное, дикое, неоспоримое, что от ужаса я чуть не ударяюсь в слезы.

Вайра быстро убегает, запрыгивает на самую высокую платформу как минимум в метре над моей головой, и сидит там, уставившись на меня. Потом принимается сердито вылизывать лапы, показывая когти.

– Оно означает «ветер», – объясняет Джейн с сияющей улыбкой, убирает руки из клетки и встает. – Красавица, правда?

Когда я, ничего не понимая, гляжу на Джейн, она склоняет голову набок.

– Ее имя. На языке кечуа.

– Не волнуйся, – добавляет Оскар и похлопывает меня по

спине, по-прежнему залихватски улыбаясь. – Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть. Она ведь пума.

Я наблюдаю, как по сапогу ползет красный муравей, тащущий на себе труп другого муравья. Я работала секретаршей в приемной, рассовывала рекламные буклеты по почтовым ящикам, подавала напитки в баре, училась на философском факультете, на факультете английской литературы, потом на искусствоведческом, впаривала товары по телефону, работала на заправке, была специалистом по маркетингу... и весь опыт никак не подготовил меня к такому. В другой жизни мы с Оскаром и Джейн, наверное, могли бы подружиться. Может, познакомились бы в автобусе по дороге в Патагонию или типа того, скорешились бы, жуя эмпананды под фильмы про кун-фу с крупными субтитрами. Но сейчас я не могу даже поднять на них взгляд. Краем глаза вижу, что Вайра за мной следит, хотя притворяется, будто я ей безразлична. Хвост свисает у нее изо рта. Джейн снимает с шеи ключ и вставляет в большой висячий замок на двери. Я будто одурманена. Кажется, земля подо мной движется.

– Ты что, сейчас откроешь дверь?

– Да.

– И... – Я не знаю, что сказать. – Что потом?

Джейн манит меня подойти. Я не двигаюсь, она улыбается. Глаза немного блестят. Щеки у нее побледнели, а веснушки стали темнее. Они похожи на негатив снимка галактики. Я хочу довериться. Правда. Но Джейн держит ключ от клетки

с пумой, которая только что шипела на меня так, словно хотела моей смерти! Вдруг меня накрывает осознание абсурдности ситуации. Я чуть не смеюсь в голос, когда Джейн показывает мне веревку. Когда-то, наверное, эта веревка была красной, но сейчас она поблекла от времени, стала розовой. Веревка висит на тросе, который тянется на уровне головы из угла клетки, начинается от двери и идет через всю поляну. Другой конец троса обвязан вокруг дерева с серебристой корой. Я хмурюсь, не понимая, зачем нужен этот трос, и тут слышу низкий, сердитый рык. Я разворачиваюсь и отпрыгиваю назад метра на два. Хватаюсь за сердце. Вайра материализовалась у двери. Уши прижаты так плотно, что кажется, будто их совсем нет. Она похожа на разозленного тюленя. Я заставляю себя сделать спокойное лицо, а Джейн протягивает ладонь прямо Вайре под нос. Будто жертву приносит. Пума не обращает на нее внимания.

– Не делай резких движений, ладно? – просит Джейн. – Она пугается.

Она пугается? А я?

Делаю несколько вдохов, проглатываю страх, хотя знаю, что излучаю его мощными волнами, стою совсем-совсем неподвижно.

Джейн просовывает веревку сквозь дверь. На конце карабин, вроде тех, с помощью которых альпинисты взбираются на скалы. А на Вайре черный ошейник (черный, как ночь, как ее расширенные зрачки), на котором есть блестящая се-

ребристая петля. На ней вот-вот защелкнется карабин.

– Видишь, какого размера клетка? – спрашивает Оскар и становится рядом со мной.

Его волосатая рука прижимается к моему предплечью. Я благодарна. И неосознанно прижимаюсь к нему.

– В дикой природе ее территория охватывала бы двести квадратных километров. Ее мир сжался в тысячи раз только из-за того, что какой-то человек решил завести себе пуму вместо домашней кошки.

– Так, значит, мы будем ее водить на поводке? – шепчу я, помимо воли указывая на иронию положения.

Оскар склоняет голову набок, игнорируя мою насмешку.

– Только если ей захочется.

Вайра перестала рычать. Она легла и прижалась шеей к забору. Мне стыдно, но в этот момент я всей душой надеюсь, что ей не захочется. Однако Джейн уже продевает карабин в петлю на ошейнике Вайры. Когда он защелкивается, Оскар тянет дверь на себя. На долгий миг повисает тишина. Пума ставит передние лапы на землю. И вдруг – вырывается на волю! Прочь из клетки. Веревка движется вдоль троса («бегуна», как назвал его Оскар) со звуком, какой издает тарзанка. Вайра летит. Она добегает до края поляны, и мне кажется, кошка не остановится. Но в тени высокого, как страж, серебристого дерева с извилистыми ветвями, разворачивается на месте. Тень листвы падает на спину пумы, и она тоже становится серебристой. Вайра настораживает уши. Кончики чер-

ные, в тон кончика хвоста. И между нами нет решетки и стен. Скорость, с какой она пересекла поляну, непостижимая. Пума всего лишь... метрах в тридцати от меня? Это расстояние она может покрыть за несколько секунд. Сердце колотится так ужасающе громко, что трудно расслышать что-то, кроме его ударов. Еще вчера я находилась в городе. Там были здания, выключатели, врачи. Понятные вещи. А теперь я стою посреди джунглей в нескольких метрах от пумы!

Джейн шепчет:

– Мы повесили «бегун», чтобы она могла подвигаться за пределами клетки, но при этом ее никто не вел на веревке.

Я не шевелюсь и ничего не говорю. Вайра склонила голову набок. Рот раскрыт, она рычит. Это глубинный, нутряной рык. Зубы блестят, и мое сердце проваливается куда-то в область кишок. Один из передних клыков у пумы сломанный и зазубренный. Она поднимает лапу. У меня нет причин так думать, у меня нет никакого опыта, который подсказывал бы, но я знаю: она меня оценивает. Взвешивает, что я за человек. Страх отказывается прятаться, как ему положено. Он исходит от меня, мощный, как запах тухлой рыбы, как вонь от сыра, залежавшегося на нижней полке шкафа, как смрад от пса, извалявшегося в дерьме. Меня накрыла такая волна адреналина, что кажется, будто кто-то втыкает мне в грудь раскаленные иглы. В ее шерсти я различаю миллионы оттенков серого, коричневого, оловянного и черного. Что я здесь делаю? Не двигаться. Не бежать. Не...

– Давай, пошли!

Джейн хватается меня за руку и внезапно мы куда-то идем. Я что-то булькаю. Вообще я собиралась задать какой-то вопрос, но он потерялся на пути между мозгом и языком. Вайра презрительно отвернулась и движется прочь. У меня нет времени почувствовать облегчение, поскольку пальцы Джейн впиваются в мою руку. Вайра хлещет хвостом. Вдоль спины идет темно-коричневая полоса, которую то и дело пререзают резкие, геометрические тени. Она по-прежнему рычит.

– Когда она хочет погулять, отцепиться от бегуна, – говорит Джейн, пока мы несемся вперед чересчур быстро, – кто-то обязательно должен шагать впереди. Ей нужно, чтобы кто-то ее защищал.

Защищать ее? Разве этому животному нужна защита? Пума уверенно направляется прочь с поляны.

– Надо поторопиться, – бормочет Джейн. – *Está bien, chica. Está bien*¹⁷.

Не знаю, кого она пытается ободрить: меня или Вайру. Но сосредотачиваюсь на ее голосе. На австралийском говоре. Если закрою глаза, может, проснусь в Сиднее. Джейн подталкивает меня вперед. Только с каждым шагом я приближаюсь не к Сиднею, а к Вайре. Пума оглядывается через плечо, бросая на меня взгляд, исполненный абсолютного отвращения. У меня трясутся руки, так что я оттягиваю рукава,

¹⁷ Все хорошо, девочка. Все хорошо.

чтобы спрятать ладони. Сосредотачиваюсь на пестром листовенном ковре, который слишком громко хрустит под ногами. Листья сменяются сплетением корней. Потом мы опять поднимаемся под сине-зеленый полог. Снова спускаемся. Я чувствую запахи цветов, смешанные с едкой вонью кошачьей мочи. Веревка Вайры натягивается, дальше пума идти не может, и рык становится громче, как мотор. Звук исходит из живота. Это мне только казалось, что кошка небольшая. Она огромная. Ее спина доходит до верха моего бедра. Лапы размером с тарелку.

Джейн хватается меня за руку.

– Вперед!

Оскар пристегивает веревку Вайры к ремню на поясе. За деревом начинается тропинка, а Вайра стоит на пути, но Джейн не колеблется ни секунды. Она просто идет вперед, будто собирается оттолкнуть пуму, и тащит меня за собой. Джейн так близко, что мои ноздри дергаются от кислого запаха ее пота. Миг назад я таранилась на ворчащую пуму, думая, что ни за что на свете не пройду мимо нее. А еще через миг я оглядываюсь и едва касаюсь бедра в том месте, где ее шерсть потерлась об меня. И вот мы бежим. Я бегу. Вижу вспышку голубого неба, смазанную зелень, но в основном могу думать только о железной хватке Джейн, стиснувшей мою руку.

Двигаться, не останавливаться, не сломать ногу, бежать.

Кровь приливает к ушам, легкие готовы лопнуть. Я не

слышу Вайру, но зато слышу, как Оскар с треском бежит по тропе позади меня. Где-то между мной и Оскаром – пума.

Я спотыкаюсь, когда мы добираемся до перекрестка, где растет бамбук и деревья с листьями-веслами. Кажется, лицо у меня горит. Кажется, я и сама горю. Никогда в жизни так не бегала. Я оборачиваюсь, полная восторга. Голова кружится так, будто сейчас оторвется от шеи.

– Она... – запыхавшись, выговариваю я, выдергиваю руку у Джейн и отчаянно пытаюсь рассмотреть, что там, на тропе, но ничего не вижу, кроме группы кустов и спутанных красных и синих лиан, похожих на сосуды вокруг сердца. Я слышу замедляющийся топот: это Оскар. – Она за нами гонится?

У Джейн такие красные щеки, что веснушек не видно.

– Нет! Она просто тоже хочет побегать!

Я слышу шорох. Лапа, розовый нос, наостренные уши. Пума проходит по перекрестку, бросает в нашу сторону один строгий взгляд, скорее беглый, чем хищный. Небольшая часть страха, верхний слой, исчезает. Она не гонится за нами. Я в джунглях, рядом пума, и она за мной не гонится!

Вайра остановилась, смотрит вверх. Оскар тоже останавливается в нескольких метрах позади. Над головой пумы белка. Как английская, только тюнингованная. Шерсть цвета дорожного конуса, а хвост такой, будто она неделю его держала в сушилке в салоне красоты. Зверушка сидит на стебле бамбука, крепко зажав в лапах коричневый орех. Она знает. Глаза у нее широко распахнуты, и взгляд мне знаком. Абсо-

лютный ужас и при этом – надежда. Надежда, что если она будет сидеть совсем-совсем неподвижно, то никто ее не заметит. Однако кончик хвоста Вайры подергивается, как у домашней кошки. Я знаю, что это значит: перышку или блестящей игрушке в виде рыбки, или носку, или чему угодно – хана. Я беспомощно смотрю на белку и пытаюсь передать ей из мозга в мозг: БЕГИ! Капля слюны падает на землю. Вайра задрала голову, глаза ее кажутся больше, чем на самом деле, как у зверя, живущего во тьме. Зрачкам пришлось мгновенно увеличиться, чтобы все увидеть. Белая шерсть на подбородке будто светится, как пятнышко снега. Морда почти зеленая. Я понимаю, что в клетке она казалась не просто маленькой, а раздавленной. Теперь, снаружи, пума словно расширилась и заполнила собой то пространство, которое должна занимать по праву.

Что-то гадко екает внутри, и я осознаю: если бы я поменяла билет, то уже сейчас летела бы назад, в Англию. И через пару недель, наверное, опять сидела бы в каком-нибудь офисе. Пялилась бы на таблицы, открытые на экране компьютера. Листала бы соцсети, новости би-би-си, сайты о путешествиях, где искала места, какие мечтала посетить, сайты для поиска работы, где просматривала вакансии, которые желала занять. А устав все это просматривать, ощутив, как мой мозг будто скрутился спиралью и уполз в темный угол, из которого не может выбраться, я бы тупо таращилась в окно на то, что откроется взгляду. На бледные облака и бетон.

Пума движется так быстро, что застаёт меня врасплох. Я рассеянная, медленная, будто до сих пор сижу за компьютером. Джейн приходится меня поддерживать, она тянет меня вперед, а Вайра запрыгивает на ветку в полтора метра над землей, прямо над белкой. Веревка ее лишь едва стесняет, и двухметровому американцу, держащему ее, приходится наклониться вперед. Белка рванулась прочь, но Вайре все равно. Она бросается бежать, и единственное, что я могу сделать – бежать впереди. Ей важно не охотиться, а бежать. Здесь можно гоняться за обезьянами, там – за огромными крысами размером с маленькую собаку. Дерево, о которое можно поточить когти, куча листьев, где можно повалиться, стадо диких свиней, блестящий броненосец, который сопит совсем рядом с моим сапогом, и о которого мы все чуть не спотыкаемся. Группа рыжих существ, похожих на енотов (Джейн говорит, что это *tejones*, которых мы называем носухами, или коати); их около пятидесяти, они прыгают с дерева на дерево, как обезьяны, и бешено пищат.

Я понятия не имею, где мы, как долго будем ходить по лесу, и даже который час. Сейчас моя единственная цель – держаться впереди, рядом с Джейн. Наконец, когда кажется, что я больше не могу бежать и даже идти, у Вайры меняется настроение. Я думала, она радуется жизни. Но теперь она рычит на носух, хлещет хвостом и убегает прочь. Она становится раздражительной. Прямо-таки сварливой. Затем принимается шипеть на Оскара, с размаху ставит лапы на зем-

лю, будто ни с того ни с сего возненавидела эти джунгли. Она ненавидит нас за то, что мы привели ее сюда, и Оскара за то, что она к нему привязана. Солнце жарит головы. Я пытаюсь пройти чуть вперед, чтобы держаться подальше от Вайры, но Джейн тянет обратно, и вот я уже так близко к пуме, что слышу ее шаги, ее дыхание. Чувствую затхлый запах шерсти, ощущаю на себе ее взгляд, буравящий мою спину.

– Все хорошо, принцесса, – бормочет Джейн. – Не бойся.

На секунду мне кажется, что это мне. Когда понимаю, что на самом деле она обращается к Вайре, у меня отвисает челюсть. По виду пумы вообще не скажешь, что она напугана. Однако Джейн садится на корточки, приближается к ней, словно ей страх вообще неведом. Вайра беспокойно смотрит вокруг. Мы находимся в густой чаще, на некоем перекрестке. Тропинки скрыты завесой плющей. Мы с Джейн пошли по левой тропинке, не такой заросшей, но Вайра бросает полные отвращения взгляды на другую тропинку, будто не может решить, куда идти. Потом разворачивается, делает шаг к Оскару. Я вижу только спину, распушившийся хвост, напряженный, похожий на змею позвоночник. А мужчина вздрагивает и потихоньку отходит от нее подальше.

Вайра шипит на него, ставит лапу на веревку и рычит.

– Все в порядке, моя хорошая, – мурлычет Джейн, мягко смеясь.

Да у этой женщины крыша поехала! Но она продолжает ворковать, улыбаться и снова ворковать, будто все в норме.

Словно пума не рычит на парня, который пристегнут к ней веревкой.

– Принцесса, ты же знаешь: ты можешь выбрать любую тропинку, какую захочешь.

Я задерживаю дыхание. Вайра поворачивает назад. Смотрит на Джейн, стоящую на коленях. И тут с вопросительным взглядом всего лишь издает протяжный, взрывной вздох, еще раз смотрит на заросшую тропинку и выбирает ту, на которой стоим мы. Джейн улыбается и быстро встает. Она снова хватает меня за руку и подталкивает вперед. Через несколько минут мы выходим на полянку. Солнечный свет, проникавший по капелькам, вдруг затапливает собой открытое пространство. У гигантских листьев, раскрытых в виде многоярусных вееров, изнанка темная. Лучи отражаются, удваиваются, утраиваются, как в теплице. Прорехи в листьях кажутся звездами, белыми и далекими.

Я не могу этого по достоинству оценить, даже не замечаю: в ушах все еще звучит эхо рыка Вайры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.